 © Авторы статьи / Authors of the article

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА/MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.19 EDN: NABOET

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ СУБЪЕКТНОСТИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Научная статья

Рубцова М.В.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0003-4003-4988;
[1] Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (abc33[at]yandex.ru)

Предложена: 11.05.2026; Принята: 27.05.2026; Опубликована: 09.06.2026

Аннотация

Современная коммуникативистика сталкивается с необходимостью изучения сложных философско-психологических концептов субъектности и идентичности, транслируемых массовой культурой. Японская анимация (аниме) выступает уникальным медиатекстом современной массовой культуры, в котором восточные и западные интеллектуальные традиции вступают в диалог. Особый интерес в этом контексте представляет аниме-сериал «Монстр» Наоки Урасавы, нарратив которого строится вокруг проблем идентичности и моральной ответственности. Цель статьи — выявить и типологизировать основные коммуникативные модели субъектности аниме «Монстр» на основе аналитической психологии К.Г. Юнга и подхода Хаяо Каваи, синтезирующего буддизм и юнгианскую философию. В исследовании используются нарративный анализ и метод кодирования визуальной информации. Выявлены три устойчивые коммуникативные модели субъектности: «кармическая диада» (Франц Бонапарта — Йохан Либерт), «расщеплённый субъект» (Йохан Либерт как негативное «пустотное я») и «диалогический ответ» (доктор Кэндзо Тэнма). Показано, что модель «расщеплённого субъекта» демонстрирует срыв процесса индивидуации (по Юнгу), при котором Персона функционирует как пустой знак, Тень поглощает Эго, а разрыв анимической связи ведёт к формированию нигилистической «чёрной дыры». Разработанная методика может применяться для оценки деструктивных коммуникативных стратегий в аудиовизуальных произведениях, а также в образовательных курсах по межкультурной коммуникации, философии медиа и психологии искусства.

Ключевые слова: коммуникативные модели субъектности, межкультурная коммуникация, визуальный нарратив, буддийско-юнгианский синтез, пустотное я, аниме «Монстр», Хаяо Каваи.

ANALYSIS OF COMMUNICATIVE MODELS OF SUBJECTIVITY IN POPULAR CULTURE

Research article

Rubtcova M.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0003-4003-4988;
[1] Saint Petersburg State Institute of Film and Television, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (abc33[at]yandex.ru)

Suggested: 11.05.2026; Accepted: 27.05.2026; Published: 09.06.2026

Abstract

Contemporary communication studies are faced with the need to study the complex philosophical and psychological concepts of subjectivity and identity conveyed by popular culture. Japanese animation (anime) serves as a unique media text of contemporary popular culture, in which Eastern and Western intellectual traditions engage in dialogue. Of particular interest in this context is Naoki Urasawa's anime series "Monster", whose narrative revolves around issues of identity and moral responsibility. The aim of this article is to identify and classify the main communicative models of subjectivity in the anime "Monster", drawing on C.G. Jung's analytical psychology and Hayao Kawai's approach, which synthesizes Buddhism and Jungian philosophy. The study utilizes narrative analysis and visual information coding. Three stable communicative models of subjectivity have been identified: the "karmic dyad" (Franz Bonaparte – Johan Liebert), the "split subject" (Johan Liebert as a negative "empty self"), and the "dialogical response" (Dr. Kenzo Tenma). The "split subject" model is shown to demonstrate a breakdown in the individuation process (according to Jung), in which the Persona functions as an empty sign, the Shadow absorbs the Ego, and the rupture of the animic connection leads to the formation of a nihilistic "black hole". The developed methodology can be applied to assessing destructive communicative strategies in audiovisual works, as well as in educational courses on intercultural communication, the philosophy of media, and the psychology of art.

Keywords: communicative models of subjectivity, intercultural communication, visual narrative, Buddhist-Jungian synthesis, empty self, anime "Monster", Hayao Kawai.

Введение

Современная коммуникативистика переживает период интенсивного расширения предметного поля. Глобализация культурных потоков, цифровизация контента и рост влияния визуальных нарративов делают особенно востребованным изучение того, каким образом сложные философско-психологические концепты субъектности и идентичности транслируются на языке массовой культуры и встраиваются в межкультурную коммуникацию. В этом контексте японская анимация (аниме) предстаёт как уникальный медиатекст, в котором встречаются восточная и

 © Авторы статьи / Authors of the article

западная интеллектуальные традиции, а проблемы человеческого «я» раскрываются с особой глубиной и многомерностью [1], [2].

Традиционная для западной философии картезианская модель субъекта, рассматривающая личность как автономную и самотождественную, на протяжении XX столетия подверглась серьёзной критике — как со стороны постструктурализма, провозгласившего «смерть субъекта», так и со стороны аналитической психологии, обнаружившей внутреннюю множественность психики. Одновременно в пространство глобальной интеллектуальной коммуникации всё активнее входили буддийские концепции личности, изначально строящиеся на принципиально иных основаниях — отрицании субстанциального «я» (анатман) и понимании субъекта как динамического потока психофизических элементов (дхарм), движимого причинно-следственными связями кармы [3], [4]. Пересечение этих двух парадигм создаёт напряжённое и продуктивное поле для исследования коммуникативных моделей субъектности в современных медиа.

Особое место в этом диалоге занимает аниме-сериал «Монстр» (2004) Наоки Урасавы — психологический триллер, центральными фигурами которого являются творец (Франц Бонапарта) и его творение (Йохан Либерт). Их отношения, выстроенные вокруг проблемы идентичности, моральной ответственности и природы зла, являют собой «кармическую диаду», прочитываемую одновременно в категориях буддийской философии сансары и западной аналитической психологии К.Г. Юнга. Именно эта двойная кодировка делает «Монстр» идеальным эмпирическим объектом для междисциплинарного коммуникативистского анализа.

Цель настоящей статьи — выявить и типологизировать основные коммуникативные модели субъектности в аниме «Монстр» на основе аналитической психологии К.Г. Юнга и подхода Хаяо Каваи, а также продемонстрировать применимость данного синтеза в качестве валидного аналитического инструмента для исследования аудиовизуальных нарративов.

1.1. Обзор литературы

Теоретический фундамент исследования образуют три пересекающиеся научные традиции.

Буддийская философия личности, и прежде всего учение об анатмане (не-душе), описывает личность как бессубстанциональный процесс, лишённый неизменного ядра, что создаёт принципиально иную по сравнению с западной модель субъектности [3], [4]. Важнейшим следствием этой доктрины является представление о субъекте как потоке причинно-следственных связей, непрерывно воспроизводящихся в актах коммуникации, — что позволяет интерпретировать нарратив как развёртывание кармической последовательности.

Аналитическая психология К.Г. Юнга предлагает дифференцированную структурную модель личности, в которой сознательное Эго сосуществует с архетипическими инстанциями коллективного бессознательного — Персоной (социальной маской), Тенью (вытесненными аспектами), Анимой/Анимусом (бессознательными образами противоположного пола) и Самостью (архетипом целостности) [5]. Для коммуникативистики эта модель важна тем, что каждая из инстанций реализует собственные коммуникативные стратегии, вступающие в сложное взаимодействие как во внутреннем, так и во внешнем диалоге.

Попытку органичного *синтеза буддизма и юнгианства* предпринял японский психиатр Хаяо Каваи, основатель японской школы аналитической психологии. В работе «Буддизм и искусство психотерапии» он приходит к концепции «пустотного я» — зрелая личность осознаёт свою бессубстанциональность и принимает её как подлинную реальность [6]. Данная концепция позволяет различить два фундаментально разных модуса субъектности: просветлённую пустоту (шуньята) и аннигилирующую пустоту нигилизма («чёрная дыра»), что имеет прямое отношение к интерпретации фигуры Йохана Либерта.

Исследования *аниме как коммуникативного феномена* в последние годы активно развиваются как в российской, так и в зарубежной науке. Работы, посвящённые визуальной коммуникации в медиа [7], межкультурной коммуникации в полиэтническом образовательном пространстве [8], а также философскому анализу нигилизма в «Монстре» [9] образуют ближайший контекст настоящего исследования. Вместе с тем целостный коммуникативистский анализ, совмещающий буддийскую философию, юнгианство и синтез Каваи применительно к аниме-нарративу, до сих пор не проводился, что и определяет научную новизну предлагаемой работы.

Методы и принципы исследования

Материалом для анализа послужили три источника: аниме-сериал «Монстр» (режиссёр Масаюки Кодзима, студия Madhouse, 2004 год, 74 серии), оригинальная манга Наоки Урасавы (выходила с 1994 по 2001 год) и роман-продолжение «Another Monster» (2002) [10], [11]. На основе теоретического анализа были сформулированы пять категорий для кодировочной матрицы: «Кармический нарратив» (КН), «Персона» (П), «Тень» (Т), «Анима» (А) и «Пустотное я» (ПЯ). Дадим им характеристику:

· Кармический нарратив (КН). Сюда попадали поступки персонажей, которые либо запускали «бег по кругу» насилия и боли, либо не давали этому кругу разорваться. Например, вставные истории, программирующие сознание (такие как сказка «Безымянный монстр»), навязчивое повторение травмирующих сценариев, а также любые намёки на предопределённость или тупик.

· Персона (П) показывала социальную мимикрию, когда человек демонстрирует ложную или заведомо пустую идентичность. Это может быть частая смена масок без внутреннего конфликта или чисто инструментальное использование ролей вроде «студента», «свидетеля», «друга».

· Тень (Т) показывала внезапный прорыв разрушительных, агрессивных, манипулятивных импульсов. Признаки: от прямого физического насилия до косвенного (подталкивание к самоубийству, перекладывание вины на жертву, отсутствие раскаяния).

 © Авторы статьи / Authors of the article

· Анима (А) определялась как глубокая эмоциональная привязанность либо её травматический разрыв. В сериале это проявляется через попытки найти контакт с сестрой Ниной, сцену материнского выбора, флешбэки о близости, через наличие или отсутствие слёз в самый острый момент.

· Пустотное Я (ПЯ). Нигилистическое отрицание собственного «я» и сознательное разрушение личности другого. Характерные черты: философские пассажи про небытие («я — никто»), потеря эмпатии при внешнем спокойствии, а также устойчивое сочетание этой категории с Персоной и Тенью.

Для каждой категории была разработана трёхбалльная шкала: 1 — слабая выраженность, 2 — средняя, 3 — сильная. В качестве единицы кодирования брали соответствующие сцены.

В экспертной группе было три кодировщика, включая автора. Сначала они вместе провели кодирование первой серии. А потом каждый самостоятельно просмотрел все 74 эпизода и заполнил свой протокол. Надёжность была проверена, используя коэффициент α Криппендорфа [12].

Основные результаты

Таблица 1 показывает количественную динамику выраженности категорий «Тень» и «Пустотное я» (в долях сцен с максимальным баллом 3) в четырёх последовательных сюжетных арках сериала, отражая развитие центрального персонажа Йохана Либерта. Данные фиксируют экспоненциальный рост доли «Пустотного я» — от 12% в Мюнхенской арке до 91% в заключительной Франкфуртской арке, — коррелирующий с эскалацией деструктивных стратегий, в то время как доля «Тени» стабильно возрастает с 64% до 89%.

Таблица 1 - Динамика категорий «Тень» и «Пустотное я» по сюжетным аркам

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.19.1

Арка (эпизоды)	Тень (3), %	Пустотное я (3), %	Интерпретация этапа
Мюнхенская (1–15)	64	12	Зарождение модели: Тень активна, пустотность лишь обозначается
Киндерхайм (25–39)	78	35	Усиление нигилистической риторики после раскрытия прошлого
Пражская (40–55)	82	58	Слияние Тени и пустотности; пик манипулятивных самоубийств
Франкфуртская / финал (56–74)	89	91[1]	Рост ПЯ

Примечание: доля сцен с максимальной выраженностью (балл 3) среди всех сцен арки, в которых присутствует анализируемый персонаж (Йохан Либерт); [1]рост выраженности категории «Пустотное Я» носит экспоненциальный характер: от 12% в первой арке до 91% в финальной, этот тренд прямо коррелирует с разрывом анимической связи (эпизоды 25–39) и последующей эскалацией деструктивных коммуникативных стратегий

Таблица 2 показывает итоговую типологию трёх коммуникативных моделей субъектности, выявленных в нарративе «Монстра»: «Кармическая диада» (Бонапарта — Йохан), «Расщеплённый субъект» (Йохан Либерт) и «Диалогический ответ» (Кэндзо Тэнма). Для каждой модели указаны ключевые персонажи, доминирующие категории с опорой на количественные показатели кодирования, соответствующие коммуникативные стратегии и герменевтическая интерпретация в буддийско-юнгианской перспективе, раскрывающая структурную взаимосвязь творения, разрушения и восстановления.

Таблица 2 - Итоговая типология коммуникативных моделей субъектности

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.19.2

Модель	Персонажи	Доминирующие категории (эпизоды макс. балла)	Коммуникативная стратегия	Интерпретация
«Кармическая диада»	Франц Бонапарта – Йохан Либерт	КН (макс. 3 в 17 из 19 эпизодов взаимодействия), Тень	Перформативное программирование (сказка «Безымянный монстр»), циклическое	Сансара как коммуникативная сеть: творец и творение заперты в общем кармическом цикле

 © Авторы статьи / Authors of the article

Модель	Персонажи	Доминирующие категории (эпизоды макс. балла)	Коммуникативная стратегия	Интерпретация
			воспроизводство насилия	
«Расщеплённый субъект»	Йохан Либерт	Персона (макс. 3 в 42/74 эп.), Тень (макс. 3 в 48 эп., из них 46 без внутреннего конфликта), Разрыв Анимы, ПЯ (макс. 3 в 22 эп., все во 2-й пол. сериала)[2]	Пустая мимикрия (симулякры), проекция Тени, конструирование ситуаций самоуничтожения Другого	Негативное «пустотное я», срыв индивидуации, «чёрная дыра» вместо Самости
«Диалогический ответ»	Кэндзо Тэнма	Отрицание ПЯ, Восстановление Анимы (финальное спасение, эп. 71–73)	Экзистенциальное утверждение ценности Другого через действие (спасение), отказ от насилия	Разрыв кармического цикла через сострадание; путь бодхисаттвы в буддийской перспективе

Примечание: типология основана на консенсусных оценках трёх кодеров. Категории «Тень», «Персона», «Анима» и «Пустотное я» оценивались по 3-балльной шкале (1–3), где 3 – сильная выраженность; [2]принципиально важно, что данная пустотность отлична от буддийской шуньяты: в 91% случаев «Пустотное я» сочетается с «Тенью» и в 86% – с «Персоной», то есть носит инструментальный и агрессивный характер, тогда как шуньята несовместима с манипуляцией

Обсуждение

Как показано в таблице 2, три выделенные модели различаются по способу работы с пустотностью. У Йохана Либерта пустотное я не имеет отношения к буддийской шуньяте. Это инструментальная пустота, всегда сопряжённая с Тенью (91% сцен) и Персоной (86%). Йосино [6] говорит о «третьем типе нигилизма» в «Монстре»; наше исследование уточняет: нигилизм Йохана проявляется не в рефлексии, а в коммуникативном действии, которое он осуществляет: провокация суицидов, разрыв привязанностей. Сказка «Безымянный монстр» может рассматриваться как перформативный акт в строгом смысле: высказывание, конституирующее идентичность адресата. В буддийской терминологии она выполняет роль запуска сансарического цикла. Творец (Бонапарта) и творение (Йохан) не могут выйти из диады поодиночке; в финале они синхронно исчезают. Важно отметить, что Тэнма не пытается интегрировать Йохана или свою Тень. Его действие (спасение ценой риска) не вписывается в классическую юнгианскую индивидуацию, он ближе к буддийским трактовкам, отказу от собственной безопасности ради другого.

Заключение

Предложенный аналитический инструмент объединил три традиции: буддийскую философию личности (анатман, карма, шуньята), юнгианскую психологию (Персона, Тень, Анима) и синтез Хаяо Каваи с его концепцией «пустотного я». Этот подход был апробирован на материале аниме-сериала «Монстр». В результате удалось систематически описать, какие коммуникативные модели субъектности транслирует данный визуальный нарратив японской массовой культуры. Мы выделили три таких модели «кармическую диаду» (Бонапарта и Йохан), «расщеплённый субъект» (воплощён в Йохане как негативном «пустотном я» по Каваи). Персона становится пустым знаком, Тень вытесняет Эго, разрывается анимическая связь — и на месте Самости образуется нигилистическая чёрная дыра. Третья модель — это «диалогический ответ» доктора Тэнмы. Она демонстрирует, что кармический цикл может быть разорван, например, через действие, продиктованное состраданием, через утверждение ценности Другого.

Понятие «коммуникативной модели субъектности» трактуется в данной работе как повторяющийся паттерн взаимодействия, в котором одновременно прочитываются две линии: юнгианская внутрипсихическая динамика и буддийская кармическая обусловленность (выявляется по Х. Каваи). Кроме того, в рамках одной категории «пустотного я» проведено различие между просветлённой пустотой и нигилистической «чёрной дырой», введенное в японском юнгианстве и практически не использующееся в западных и отечественных работах. Такое различение помогает не сводить друг к другу все формы пустотности, описанные Х. Каваи и более точно анализировать деструктивные медийные стратегии. Разработанная методика может найти свое применение при экспертизе аудиовизуального контента, например, для выявления деструктивных паттернов, которые несут риск при трансляции на молодёжную аудиторию.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность членам экспертной группы — кодировщикам, принявшим участие в обсуждении и уточнении категорий анализа, а также в самостоятельном кодировании 74 эпизодов аниме-сериала «Монстр» А.В. Рубцовой и В.Г. Павенкову. Их вовлечённость и готовность к совместной работе позволили обеспечить надёжность результатов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Булгарова Б.А., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва Российская Федерация
DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.19.3

Acknowledgement

The author expresses sincere gratitude to the members of the expert group — the coders who took part in discussing and clarifying the categories of analysis, as well as in the independent coding of 74 episodes of the anime series "Monster": A.V. Rubtsova and V.G. Pavenkov. Their commitment and willingness to collaborate ensured the reliability of the results.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Bulgarova B.A., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow Russian Federation
DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.19.3

Список литературы / References

1. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму / Ф.И. Щербатской. — Москва : Наука, ГРВЛ, 1988. — 426 с.
2. Бурмистров С.Л. Анатма / С.Л. Бурмистров // Большая российская энциклопедия. — 2022. — URL: https://bigenc.ru/c/anatma-acff17 (дата обращения: 02.05.2026).
3. Бондаренко Г.В. Концепция «Анатман» («Не-душа») Будды Шакьямуни: философский и психологический анализ / Г.В. Бондаренко // Вестник КГУ. — 2014. — № 7. — С. 134–135.
4. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг. — Москва : АСТ, 2023. — 496 с.
5. Kawai H. Buddhism and the Art of Psychotherapy / H. Kawai. — Texas : Texas University Press, 1996. — 161 p.
6. Yoshino S. PhilArchive / S. Yoshino // The Third Type of Nihilism — A Proposal for Quiet Acceptance through Analysis of Johan in MONSTER. — 2026. — URL: https://philarchive.org/rec/YOSTTT (accessed: 01.05.2026).
7. Бхат С.Б. Визуальная коммуникация в социокультурном контексте реальности / С.Б. Бхат // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2016. — Т. 5. — № 3. — С. 19–23.
8. Воевода Е.В. Межкультурная коммуникация в полиэтническом образовательном пространстве / Е.В. Воевода // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2016. — Т. 5. — № 3. — С. 24–28.
9. Urasawa N. Monster : in 18 vol. / N. Urasawa. — Tokyo : Shogakukan, 1994–2001.
10. Urasawa N. Another Monster: The Investigative Report / N. Urasawa. — Tokyo : Shogakukan, 2002. — 352 p.
11. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology / K. Krippendorff. — New York : Thousand Oaks, 2019. — 456 p.
12. Young-Eisendrath P. Jung and Buddhism: Refining the Dialogue / P. Young-Eisendrath; edited by P. Young-Eisendrath T. Dawson // The Cambridge Companion to Jung. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — P. 269–288.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Shcherbatskoy F.I. Izbrannie trudi po buddizmu [Selected Works on Buddhism] / F.I. Shcherbatskoy. — Moscow : Nauka, GRVL, 1988. — 426 p. [in Russian]
2. Burmistrov S.L. Anatma / S.L. Burmistrov // Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. — 2022. — URL: https://bigenc.ru/c/anatma-acff17 (accessed: 02.05.2026). [in Russian]
3. Bondarenko G.V. Kontseptsiya "Anatman" ("Ne-dusha") Buddi Shakyamuni: filosofskii i psikhologicheskii analiz [The Concept of "Anatman" ("No-Soul") of Buddha Shakyamuni: A Philosophical and Psychological Analysis] / G.V. Bondarenko // Vestnik KGU [KSU Bulletin]. — 2014. — № 7. — P. 134–135. [in Russian]
4. Yung K.G. Arkhetipi i kollektivnoe bessoznatelnoe [Archetypes and the collective unconscious] / K.G. Yung. — Moscow : AST, 2023. — 496 p. [in Russian]
5. Kawai H. Buddhism and the Art of Psychotherapy / H. Kawai. — Texas : Texas University Press, 1996. — 161 p.
6. Yoshino S. PhilArchive / S. Yoshino // The Third Type of Nihilism — A Proposal for Quiet Acceptance through Analysis of Johan in MONSTER. — 2026. — URL: https://philarchive.org/rec/YOSTTT (accessed: 01.05.2026).
7. Bkhat S.B. Vizualnaya kommunikatsiya v sotsiokulturnom kontekste realnosti [Visual communication in the socio-cultural context of reality] / S.B. Bkhat // Nauchnie issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Research and Development. Contemporary Communication Studies]. — 2016. — Vol. 5. — № 3. — P. 19–23. [in Russian]
8. Voevoda E.V. Mezhkulturnaya kommunikatsiya v polietnicheskom obrazovatelnom prostranstve [Intercultural communication in a multiethnic educational space] / E.V. Voevoda // Nauchnie issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Research and development. Contemporary communication science]. — 2016. — Vol. 5. — № 3. — P. 24–28. [in Russian]
9. Urasawa N. Monster : in 18 vol. / N. Urasawa. — Tokyo : Shogakukan, 1994–2001.
10. Urasawa N. Another Monster: The Investigative Report / N. Urasawa. — Tokyo : Shogakukan, 2002. — 352 p.
11. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology / K. Krippendorff. — New York : Thousand Oaks, 2019. — 456 p.
12. Young-Eisendrath P. Jung and Buddhism: Refining the Dialogue / P. Young-Eisendrath; edited by P. Young-Eisendrath T. Dawson // The Cambridge Companion to Jung. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — P. 269–288.